

Эти стихи сохранились в единственном автографе в тетради Дельвига и датируются лишь приблизительно: не позднее 1819 года. Предполагается, однако, что они были написаны еще в лицее.

Когда Пушкин — уже, видимо, в конце 1820-х годов — читал с карандашом в руках тетрадь Дельвига, он испестрил «Элизиум поэтов» своими пометами. Неточности мысли и выражения он находил почти в каждой строфе. Только три из них не вызвали его замечаний, и в их числе были строфы с «виноградом»⁴. Без сомнения, он считал их лучшими в стихотворении, и потому мог обозначить целое как «стансы к винограду». А стало быть, и самое стихотворение уже существовало к июню 1815 года, когда окончились дружеские сходки у Галича.

Такая гипотеза могла бы показаться излишне смелой, если бы она не находила себе подтверждения в самом тексте пушкинского послания.

Дело в том, что тридцатью строками ранее Пушкин перефразировал интересующие нас «стансы» Дельвига. Он нарисовал сценку, в которой бог вина Вакх, чье имя также и Лиэй, и Либер, и Бассарей (все эти имена встречаются в лицейских стихах), награждает беспечного философа за равнодушие к благам фортуны:

Когда сей бог молодой
Вечернею порой
Лафит и грог янтарный
С улыбкой на устах
В стекле ему подносит
И каплю выпить просит,
Качаясь на ногах.

В этой совершенно абстрактной аллегорической картине есть живой жест, деталь, придающая ей почти чувственную конкретность. Она заключается в строке «качаясь на ногах», которую Пушкин заимствовал из «стансов к винограду» — из дельвиговского «Элизиума поэтов».

Все остальное Пушкин отверг.

Его послание и по идеям, и по образности, и по языку было прямо противоположно стихотворению его ближайшего друга. Для автора «Элизиума» гений, следующий своему предназначению, сохраняет «душевную чистоту» и отвергает дары Венеры и Вакха, — в противном случае он закрывает себе путь в святилище поэтов:

Блажен, кто мог с невинностью пробраться
Чрез этот мир, возвышенным пленен.

«Чрез грязный мир», — поправил Пушкин, когда читал черновую тетрадь Дельвига. Он оставлял в неприкосновенности поэтические идеи; он правил только «слог».

Сам же он — в особенности в лицейские годы — не склонен был противопоставлять «возвышенную» поэзию поэтическому эпикурейству, которое было для него символом духовной свободы. Он следовал в этом отношении раннему Батюшкову и заветам «арзамасского братства». Парафраза «Элизиум поэтов» в «Послании к Галичу» была почти полемикой, хотя, конечно, и неосознанной.

А год спустя и для самого Дельвига началась полосу увлечения поэтическим эпикуреизмом.

Впервые: Русская речь. 1989. № 3.

¹ Пушкин. Т. 12. С. 322.

² Дельвиг А. А. Полн. собр. стих. Л., 1959. С. 285.

³ Там же. С. 97.

⁴ Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском доме: Научное описание/Сост. Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский//М.; Л., 1937. С. 272—274, № 768.

Булнина или Бакунина!

В лицейском дневнике Пушкина за 1815 год под 28 ноября находится следующая запись:

«Ш — в и г-жа Б — на увенчали недавно кн. Шаховского лавровым венком, на этот случай сочинили очень остроумную пиэсу под названием: *Венчание Шутковского (Гимн на голос: de Béchamel)*»¹.

Эту остроумную «пиэсу», принадлежащую Д. В. Дашкову, Пушкин далее выписал полностью, но мы цитировать ее здесь не будем, ибо наше внимание должны занять предпосланные ей строки.

События, о которых рассказывает Пушкин, хорошо известны, и мы лишь вкратце напомним их.

23 сентября 1815 года на петербургской сцене состоялась премьера комедии А. А. Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды». Автор комедии, даровитый драматург и сатирический поэт, был в это время в центре борьбы, разрывавшей литературные круги Москвы и Петербурга; он был, вероятно, самым талант-

ливым сатириком «Беседы любителей русского слова», объединившейся для охраны тех литературных и идейных устоев, на которые посягали молодые литераторы из окружения Н. М. Карамзина: В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, К. Н. Батюшков, Д. В. Дашков, Д. Н. Блудов, В. Л. Пушкин. С последним из них Шаховской постоянно обменивался сатирическими ударами, и борьба шла с переменным успехом; в новой же своей комедии он весьма чувствительно задел и Жуковского. Друзья Жуковского поспешили поднять перчатку: Блудов откликнулся памфлетом «Видение в какой-то ограде», Вяземский обрушил на голову супостата целый дождь эпиграмм.

14 октября 1815 года на квартире С. С. Уварова друзья и литературные соратники устроили пародийно-торжественное заседание: отныне они объявляли себя особым обществом, приняв название «Арзамасское общество безвестных людей», и поклялись преследовать «Беседу» вплоть до полного ее уничтожения. Так начался знаменитый в русской литературе «Арзамас», под знаком которого развивался и юный Пушкин; запись в его дневнике — одно из первых свидетельств его живого интереса к только что образованному обществу, в члены которого через полтора года войдет и он сам.

«Арзамасцы» возмущались «Липецкими водами»; «беседисты» торжествовали. Комедия имела успех скандала. Вечером в день спектакля в частном литературном собрании на голову комедиографа был возложен лавровый венок.

Противники не упустили случая осыпать это венчание сарказмами. Вяземский сплел для триумфатора поэтический венок из эпиграмм. В речах и сатирах варьировался символический образ «макового венка», усыпляющего зрителей.

Тогда-то Дашков и сочинил кантату «Венчание Шувовского», которую вписал в свой юношеский дневник Пушкин. Он не знал еще тогда, кто автор этой пародийной кантаты, как не знал и самого Дашкова. Однако обстоятельства и даже детали столкновения были ему хорошо известны. «Ш—в», например, — это глава «Беседы» адмирал Александр Семенович Шишков, еще в 1803 году выступивший против «карамзинистов» с трактатом «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка». Он в самом деле принимал участие в торжественном вечере в честь Шаховского.

В современных изданиях дневника Пушкина сокращение «Ш—в» расшифровывается как «Ш<ишко>в», — и с полным основанием.

Что же касается «г-жи Б—ной» — другого главного участника праздника — то в ней усматривают Анну Петровну Бунину, поэтессу, чье творчество высоко ценилось в «Беседе», да и за ее пределами. В Буниной видели прямую ученицу Шишкова, который весьма одобрял ее лирический талант, и сама Бунина не упускала случая выразить публично благодарность своему литературному покровителю.

Юный Пушкин ассоциировал имена Шишкова и Буниной. Они появлялись вместе в его сатирической лицейской поэме «Тень Фон-Визина» (1815) — Шишков и его «невинная другиня <...> Вралих Петрополя богиня»². Через семь лет в «Послании цензору» Пушкин поставит ее «глупые стихи» в один ряд со стихами Хвостова.

Имя Буниной — первое, что пришло на ум ранним интерпретаторам пушкинского дневника, и в правильности такой расшифровки не усомнился ни один издатель и редактор сочинений Пушкина. В академическом собрании сочинений пропущенные части фамилий заключены, как это принято, в ломаные скобки: «Ш<ишко>в» и «Б<уни>на»; в популярных же изданиях дневника пропуск букв даже не обозначается: «Шишков и г-жа Бунина увенчали недавно князя Шаховского лавровым венком...».

Между тем это чтение неверно.

Неверно оно хотя бы потому, что к моменту «венчания» Шаховского Буниной в Петербурге не было.

Неизлечимо больная раком груди, поэтесса еще 29 июля 1815 года отплыла на корабле в Англию в надежде исцеления. Отъезд ее стал своего рода литературным событием; в журналах печатались приветственные стихи, ей адресованные, а в «Российском музее», который внимательно читал лицеист Пушкин и где он помещал свои стихи, появилась статья кн. П. И. Шаликова «Об отъезде в Англию девицы Буниной и о сочинениях сей стихотворицы»³. Пушкин не мог этого не знать. До него доходили слухи и об «арзамасских» заседаниях с пародийными речами, — и он, может быть, знал и о заседании 25 ноября, где были произнесены две речи о Буниной — Уварова и Жуковского.

И потому Пушкин не мог даже по ошибке назвать Бунину в числе участников празднества 23 сентября. Он имел в виду другое лицо. Мы можем назвать его по мемуарам Ф. Ф. Вигеля, весьма осведомленного в закулисной литературной жизни 1810-х годов.

Вигель рассказывал о вечере в доме петербургского гражданского губернатора М. М. Бакунина, «когого супруга, сестра Павла Ивановича Кутузова, надела венков на счастливого автора»⁴. Эти сведения были совершенно точны.

Варвара Ивановна Бакунина, урожденная Голенищева-Кутузова, сама писательница, была в ближайшем родстве с одним из злейших врагов Карамзина и карамзинистов. Еще в девяностые годы XVIII века Павел Иванович Голенищев-Кутузов писал на Карамзина памфлеты, осуждающие «слезливость» и якобинский яд, а затем памфлеты сменились прямыми доносами. Молодые карамзинисты испытывали к нему неприязнь, граничившую с ненавистью.

Варвара Ивановна не могла не радоваться временному торжеству партии брата. К тому же она была давним и преданным другом самого автора «Лицейских вод» — Шаховского. Через много лет стареющий драматург напишет свои воспоминания в форме писем к ее дочери, которой завещает все свои литературные труды и архив⁵. Именно здесь, в семействе Бакуниных, могла возникнуть мысль наградить лавровым венком друга семьи в момент победы над литературными противниками.

Эта история, широко известная в столице, и получила отражение в пушкинском лицейском дневнике, в записи от 28 ноября 1815 года, которую следует читать: «Ш<ишко>, в и г-жа Б<акуни> на увенчали недавно кн.<язя> Шаховского лавровым венком...».

Стоит заметить, что исследователи, занимавшиеся историей «Арзамаса», вплотную подходили к такому чтению. Так, Ц. С. Вольпе, редактор превосходного двухтомного собрания стихотворений Жуковского в доверенной «Библиотеке поэта», рассказывая об этом эпизоде, приводил свидетельство Вигеля⁶. В примечании он цитировал пушкинскую запись. Существуют экземпляры книги, в которых набрано: «Шишков и г-жа Бакунина...».

В большинстве же экземпляров этого издания стоит «Бунина», и при внимательном разглядывании видно, что это типографское исправление в уже сверстан-

ной строке. Исследователь не решился изменить текст, который считал пушкинским, хотя бы и содержащим ошибку.

Он был бы совершенно прав, если бы дело обстояло именно так. Но это была ошибка не Пушкина, а его издателей, и мы обязаны ее устранить.

Впервые: Русская речь. 1991. № 5.

¹ Пушкин. Т. 12. С. 295.

² Там же. Т. 1. С. 161.

³ Российский музей. 1815. № 9.

⁴ Вигель Ф. Ф. Записки. М., 1892. Ч. 3. С. 172.

⁵ См.: Осьмакова Н. И. Бакунина П. М. // Русские писатели: 1800—1917. М., 1989. Т. 1. С. 144.

⁶ Жуковский В. А. Стихотворения. Л., 1939. Т. 1. С. XXIII.

Загадочная эпиграмма Пушкина

1

В числе лицейских эпиграмм Пушкина, этих проб сатирического пера будущего виртуозного мастера эпиграмматического жанра, мы находим одну, не поддающуюся сколько-нибудь убедительному толкованию. Она была напечатана Пушкиным в первом номере журнала «Российский музей» за 1815 год, под анаграммой «I...14—16», что в переводе на буквенные обозначения читалось: «А...н—П», т. е. «А(лександр) н(икшу)П»: такой подписью Пушкин пользовался в сентябре — октябре 1814 года¹.

Текст ее гласит:

Арист нам обещал трагедию такую,
Что все от жалости в театре заревут,
Что слезы зрителей рекою потекут.
Мы ждали драму золотую.

И что же? дождались — и, нечего сказать,
Достоинству ее нельзя убавить весу,
Ну, право, удалось Аристу написать
Прежалкую пиесу.

Смысл эпиграммы понятен; но конкретные обстоятельства, вызвавшие ее, от нас ускользают. Нельзя даже поручиться, что юный эпиграммист имел в виду какое-то определенное лицо и определенный эпизод театральной жизни Петербурга 1814 года. Драма, вызывающая жалость не к герою, а к автору, — такой сатири-